
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Научная статья

УДК/UDC 340.141(470.67)

DOI: 10.21779/2224-0241-2023-47-3-9-18

Правовые и политические процессы в ходе формирования горских «республик»¹ на Восточном Кавказе в эпоху средневековья (на примере Акуша-Дарго)

М.Н. Абдуллаев¹, Т.М. Айтберов²

¹ Дагестанский государственный университет, Махачкала, Российская Федерация

² Дагестанский Федеральный Исследовательский Центр РАН, Махачкала, Российская Федерация

¹ mnabdullaev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3798-3007>

² timirlan222@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2229-2599>

Аннотация. В данной статье с привлечением новых арабских текстов юридического содержания исследуются правовые и политические процессы, связанные с формированием горских «республик», конкретно Акуша-Дарго, на Восточном Кавказе в эпоху средневековья. Авторы отмечают, что Акуша-Дарго входило в число тех горских «республик», которые наравне и во взаимодействии с феодальными государствами играли важную роль в государственно-правовых процессах на Восточном Кавказе.

Подчеркивается, что уровень развития права и государственности Акуша-Дарго, обусловленный преемственностью общественно-политического строя и отразившийся в ранней традиции письменной фиксации права, позволял акушинцам играть важную роль в Шамхальстве со столицей в Тарки. Источники показывают, что во второй пол. XVIII в. и, возможно, позднее Акуша-Дарго числилось в статусе наместничества в политической системе Шамхальства.

Авторы приходят к выводу, что значимая роль Акуша-Дарго в процессах становления государственности дагестанских народов была обусловлена устойчивостью и преемственностью конкретных исторических, национальных, культурологических и иных факторов, в процессе эволюции общин, входивших в домонгольскую эпоху в государство «Шандан».

В целом Шамхальство следует рассматривать как комплексное, развивающееся во времени явление - государство, включающее в себя взаимосвязанные и взаимодействующие общественно-политические системы с центрами в Кумухе, Тарках и Акушах и сыгравшее важную роль в государственно-правовых процессах, происходящих в течение длительного периода жизнедеятельности дагестанских этносов.

Ключевые слова: обычное право, адат, шариат, памятник права, договор, соглашение, государственность, «горская республика», союз сельских общин, Шамхальство, Восточный Кавказ, Дагестан, Акуша, Акуша-Дарго

Для цитирования: Абдуллаев М.Н., Айтберов Т.М. Правовые и политические процессы в ходе формирования горских «республик» на Восточном Кавказе в эпоху средневековья (на примере Акуша-Дарго) // Юридический вестник ДГУ. 2023. Т. 47, № 3 (67). С. 9–18. DOI: 10.21779/2224-0241-2023-47-3-9-18

¹ Применение термина «республика» (авар. эл.: «Джарская республика» Чарлзу эл в отношении того, что именovalo советское кавказоведение «союзами сельских обществ», фиксируется в работах крупных личностей XIX в., учившихся – как говорится, – «не за деньги». Назвать можно здесь, например, лотарингца Ю. фон-Клапрота, который характеризовал «Акуша», как «сильную республику» в горах Северо-восточного Кавказа, имевшую в своем составе «около 30 деревень».

Legal and political processes during the formation of mountain "republics"¹ in the Eastern Caucasus in the Middle Ages (on the example of Akusha-Dargo)

Magomedzapir N. Abdullaev¹, Timur M. Aitberov²

¹ Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation

² Dagestan Federal Research Center RAS, Makhachkala, Russian Federation

¹ *mnabdullaev@mail.ru*

² *timirlan222@mail.ru*

Abstract. In this article, with the involvement of new Arabic legal texts, the legal and political processes associated with the formation of mountainous "republics", specifically Akusha-Dargo, in the Eastern Caucasus in the Middle Ages are examined. The authors note that Akusha-Dargo was one of those mountainous "republics" that, on an equal basis and in cooperation with the feudal states, played an important role in the state-legal processes in the Eastern Caucasus.

It is emphasized that the level of development of law and statehood of Akush-Dargo, due to the continuity of the socio-political system and reflected in the early tradition of written fixation of law, allowed Akush people to play an important role in Shamkhaldom.

The authors come to the conclusion that the significant role of Akusha-Dargo in the processes of the formation of the statehood of the Dagestan peoples was due to "the stability and continuity of specific historical, national, cultural and other factors in the process of evolution of the communities included in the pre-Mongolian era in the state" Shandan ".

In general, Shamkhalism should be considered as a complex phenomenon that develops over time - a state that includes interconnected and interacting socio-political systems with centers in Kumukh, Tarki and Akushi and played an important role in the state-legal processes that took place over a long period of life of the Dagestan ethnic groups.

Keywords: customary law, adat, sharia, monument of law, treaty, agreement, statehood, "mountain republic", union of rural communities, shamkhalism, East Caucasus, Dagestan, Akusha, Akusha-Dargo.

For citation: Abdullaev M.N., Aitberov T.M. Legal and political processes during the formation of mountain "republics" in the Eastern Caucasus in the Middle Ages (on the example of Akusha-Dargo). *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2023, vol. 47, no. 3 (67), pp. 9–18. DOI: 10.21779/2224-0241-2023-47-3-9-18 (In Russ.).

Изучение истории государства и права Северного Кавказа, частью которого является Дагестан, базируется на разнообразных источниках. Среди них преобладали, впрочем, материалы устные по форме и характеру. Известные российские исследователи северокавказского традиционного права – Ф.И. Леонтович [1] и М.М. Ковалевский [2; 3], как и их продолжатели [4; 5; 6], опирались также на устные преимущественно источники. В то же время они старались использовать и письменный материал на восточных языках, в переводах, которые делали – в практических целях, – русские офицеры и чиновники [7; 8; 9].¹

Со 2-й половины XVII в. в Дагестане активизировался интерес к прошлому. Он имел место по отношению и к такой проблеме, как обычное право, являющееся результатом собственного правового опыта дагестанцев, и вытеснение его шариатом.

Материалы, отражающие правовой мир предков, составлены на землях Дагестана – в боль-

шинстве своем, – по-арабски, но у некоторых этносов отмечена тут тенденция к написанию правовых по содержанию текстов и на их родных языках [10; 11; 12]. У населения Акуша-Дарго, правовым аспектам жизнедеятельности которого посвящена наша статья, также, кстати, зафиксировано написание правовых материалов на родном языке [13].

Даргинцы досоветской эпохи для удовлетворения своего интереса к событиям прошлого, обращались иногда к таким арабским источникам, которые оказывались – по различным, кстати, причинам, – вне поля зрения ученых, выросших в других краях «Страны гор». Здесь можно назвать деятельность усишинского арабиста по имени «Минхаджмухаммад»² [14, с. 131-135]. Последний, посе-

¹ The use of the term "republic" (Avar. el.?: "Dzharskaya republic" CHlarlu el) in relation to what Soviet Caucasian studies called "unions of rural societies" is recorded in the works of major personalities of the 19th century, who studied, as they say, "not for money".

² Есть информация конца 70-х годов XX в., из которой заключить можно, что в даргинском сел. Усиша жил некий «Мухаммад Минхаджев», родившийся, примерно, в 1870 г. Был он большим знатоком арабского языка и «лучших – как считали, – традиций образованности». Этот «Мухаммад Минхаджев», одно время, «жил и работал» в близлежащем даргинском селе Гапшима. Он собирал – в том числе и, мало того, из «рукописей», – и записывал, затем, причем на родном языке материалы по «истории даргинцев».

тив гапшиминскую Соборную мечеть, увидев там рукопись сочинения Мухаммада ибн Мусы ад-Дарбанди, и заметив в ней дату, – 492/1098–99 г., – сделал заметку. Он написал, что в годы жизни этого Ибн Мусы произошла «атака *хазаров* на Дербент». Они, – по словам «Минхаджмухаммада», – взяли тогда «в плен сына лидера (*заим*) страны (*ба-лад*) и разрушили некоторые» ее «мечети», чем «нанесли большой вред мусульманам».

Перед нами свидетельство того, что дагестанские горцы прошлых столетий, жили не только чисто местными воспоминаниями, интересами и преданиями. Не стоит удивляться поэтому, что среди населения Акушинской зоны можно было встретить тех, кто обращали внимание на сугубо местные, то есть «акуша-даргинские» нарративы, мало того, письменно фиксировали их.

Много оригинальных преданий о правовых, государствообразующих и иных процессах в жизни населения Акушинской зоны собрал авторитетный исследователь Р.М. Магомедов, начавший эту работу в конце 30-х годов XX в. [14, с. 94–142]. С широким привлечением этого материала, он написал фундаментальную работу о Дагестане XVIII – начала XIX вв., где уделил – в 1957 г. – страницы государственности и старинному праву даргинцев [15, с. 115–142]. Такой же подход присутствует и в трудах известного кавказоведа Б.Г. Алиева, один из которых – написан он в соавторстве – стоит близко к тому, что разбирается в данной статье [16, с. 5–366].

Для верификации политических и правовых явлений в жизни горцев Дагестана, большой интерес представляет арабоязычный источник, содержание которого толкнуло нас к написанию этой статьи. Он доступен в виде списка, то есть копии, которая датируется 1-й половиной XX в. Писавший, конечно, понимал арабский язык, но писать по-арабски опыта, по-видимому, не имел. На наш взгляд, кстати, допустимо отождествлять его с дженгутаевцем Казиевым Абдурахманом (ум. в 1942 г.), работавшим над сбором «исторического» и правового «материала» о Дагестане [17, с. 176–182].

С учетом сказанного приведем здесь перевод текста названного выше источника, который гласит: «Селения даргинцев (*дарга*) находились прежде под властью (*ихтияр*)¹ г[глава]рей² казикумухцев (*гъазигъумукъ*). Именно так обстояли дела на 404 года раньше³.

¹ По-арабски слово *ихтияр* переводится как «предпочтение; выбор», но в аджамских языках, к числу которых относятся языки Дагестана, будет здесь: «власть; воля».

² Арабский текст в отмеченном месте поврежден. Перевод («главари») является, таким образом, в определенной степени условным.

³ С точки зрения грамматики арабского языка, переводить текст анализируемого источника следовало,

Затем получилось так, что умножились притеснения и несправедливости, которые исходили [обычно] от эмиров [происходивших из среды] казикумухцев. Умножилась, как результат, и сумятица среди людей. Вот тогда-то, а точнее в пятничный день, и заговорил кадий (*къази*) акушинцев (*акъуша*).

Этот кадий, поднявшись тут на крышу мечети, сказал: «Если вы объединитесь, то мы сможем сразиться против эмиров [из среды] казикумухцев и, как результат, не будем больше нести тяжелые повинности (*таклифа*), наложенные на [нас] с их стороны».

[Даргинцы] тут объединились, вступили в сражение, и мало того, атаковали казикумухцев. В общем же итоге, убили они тогда одного из их – казикумухцев – эмиров, а те, кто спаслись, убежали.

После всего того сочтено было за общее благо (*маслахат*), что будут даргинцы под властью кадия Акуши, а также, что посадка [каждого нового] шамхала на [трон] будет находиться во власти такого кадия. Ну, и так далее.

Затем, в то время, когда Баганд Мусаевич (*Мусалла Бахланд*) был кадием в Акуша, возвысился он до степени *паши*. Случилось же это тогда, когда пришло из Стамбула много воинов, которые были, причем, на конях и верблюдах. Их поразила, однако, смерть⁴.

Первым делом, встает вопрос: имеет ли приведенный выше арабский текст какие-либо параллели в иных источниках? Второй же здесь вопрос: датировка преобразования горских общин – проживавших до этого в десятках обособленных друг от друга мелких поселений Акушинской зоны (РД) – в консолидированное население горской «республики», чьи правовые памятники, написанные по-арабски, почти 300 лет тому назад, дошли до наших дней. Скажем, в данной связи, что преобразование коллективов общинного типа, находившихся ранее под властью феодалов, в «республики», хорошо известно на примере Италии, как и средневековой России.

Обратимся вначале к первому из поднятых вопросов. Так вот, Р.М. Магомедов, отталкиваясь от доступного ему (в конце 30-х годов XX в.) устного материала, отмечал, что в Акушинской зоне сохранились ценные для историков «предания». Они – и те, к примеру, которые рассказывают «об отношениях акушинцев» с дагестанским князем, носившем титул «шамхал» [14, с. 98]. Это, конечно, не удивительно, ибо сохранилось достаточно много письменных материалов, которые говорят о суще-

вроде бы, так: раньше 404/1013–14 года, то есть тогда, когда кумухцы, как и соседние горцы – обитатели южной части Сулакского речного бассейна РД, еще не были мусульманами.

⁴ Источник предоставлен авторам статьи жителем сел. Акуша, краеведом Абулмуслимом Магомедовым.

ствовании связей между Акуша-Дарго и феодальной структурой, чьи правители сидели (XVII–XIX вв.) в кумыкском «городе» Тарки [16, с. 221–231; 18, с. 14, 15, 18].

Упомянув о существовании «рукописи», которую составил усишинец «М. Минхаджев», – потомок вышеупомянутого «Минхаджмухаммада» (?), – пишет затем Р.М. Магомедов о ее содержании. В «рукописи» говорится, что «население ... Левашинского плато» находилось – вскоре после дагестанских походов Тимура, как написано, «около 1400 года», то есть в начале 800-х годов по хиджре, – «под игом нуцала Хунзахского». Мало того, оно якобы «платило ему дань». От внесения последней избавил-де «даргинцев», – сказано в рукописи М. Минхаджева, – некий «Айса-мирза из Акуши» [14, с. 132, 133].

Р.М. Магомедов публикует также «вариант» обрисованного здесь «предания», бывший доступным ему в аварской записи, сделанной Мусалавом из аварскоязычного сел. Чуни, который, будучи «знаком с усишинской рукописью», делал оттуда «выписки» [14, с. 134]. В тексте Мусалава Чунинского утверждается, правда, что: *во-первых*, «Нуцал-хану», сидевшему в Хунзахе, «подчинялись» мол «все акушинцы», а также, «ему» же «принадлежали» – якобы – «их земли»; *во-вторых*, тем «предводителем», вставшим во главе «акушинцев», сумевшим собрать их в один кулак и отразить, затем, «Нуцал-хана» – изгнав его воинов за Казикумухское Койсу («*Цудахарская река*»), – был не вышеупомянутый Айса, а «Баганд, считавшийся сыном Амина» (*Аминал Бахланд*); *в-третьих*, обрисованные события происходили, примерно в «VIII в. хиджры» [14, с. 134, 135], что понимаем мы так: между 1397 г. н.э. и 1494 г. н.э., то есть в послетимуровскую эпоху.

Р.М. Магомедов принял за основу версию, источником которой назван у него – М. Минхаджев. Отметим, также, что исследователь датировал «освобождение» населения «Левашинского района» – точнее, «даргинцев», – от «зависимости», которая имела якобы место в отношении «хунзахского нуцала», временем значительно более ранним, чем видится это авторам данной статьи. Обретение же свободы «даргинскими общинниками» связывается с «акушинцем» по имени «Айса» [19, с. 116, 117], а не с носителем имени «Баганд».

Получается, таким образом, что арабский текст, который привязываем мы – условно, – к дженгутаевцу Казиеву А. (ум. в 1942 г.), имеет для себя параллели. Выявляются они, при этом, в источниках, происходящих из Акушинской зоны.

В названном арабском тексте имеют место, однако, наряду с параллелями, которые указаны, еще и существенные расхождения. Носят последние характер, причем, весьма важный – для понимания государственно-правовой истории горного Дагестана эпохи Средневековья. Мы имеем в виду

здесь то, что *усишинская* – назовем ее так, но лишь условно, – *версия* обозначает угнетателем «даргинских общин», тех князей-правителей, которые сидели веками в аварскоязычном Хунзахе [14, с. 132–135]. Арабская же версия событий, произошедших «в селениях даргинцев», – текст Казиева А.(?), – источником «притеснений и несправедливостей», имевших место в отношении жителей «селений даргинцев», называет совершенно других горских аристократов. Эта версия указывает – в качестве притеснителей, – «эмиров», то есть «повелителей», обитавших к югу от этноязыкового Аваристана.

Далее. Личностью, которая объединила «даргинцев», назван в 1961 г. «акушинец» по имени «Айса» [19, с. 117], хотя согласно записи из сел. Чуни, являлся объединителем «Баганд – сын Амина» [14, с. 133, 135]. Это притом, что в арабском – «казиевском» (?) тексте упоминается «кадий Баганд», который стоял во главе «Акуша», но в османскую – можно так сказать, – эпоху истории Кавказа, а значит: не ранее конца 70-х годов XVI в., то есть в конце IX в. по хиджре.

В арабской записи, которую мы вводим в научный оборот, для лучшего понимания правовых и политических процессов в горах Среднего Дагестана, организатором отпора «даргинцев» против наследственной аристократии – эмиров, назван безымянный «кадий акушинцев». Результат же этой – если можно так сказать, – мятежной акции был, согласно данному тексту, таковым: произошел выход «даргинцев» из «под власти» лиц, которые обозначены в статусе «эмиров», и перемещение их «под власть кадия Акуши».

Типологические параллели этому имеются. Так, например, после распада империи Каролингов, образуется – в рамках одной из ее частей – маркграфство Тоскана. На части территории этого княжества создается – через несколько столетий – республика Флоренция.

Авторам этих строк представляется, что арабский вариант информации о прошлом является наиболее верным. Речь здесь идет о том, что имело место в Акуша, как и на соседних даргиноязычных территориях.

Коснемся теперь еще одного – важного, с точки зрения изучения аутентичной истории государственности дагестанских этносов, положения, присутствующего в арабском тексте. Будет это указание на то, что с давних времен – не ранее, однако, XV в., в конце которого произошло возрождение шамхальства [20, с. 316], – был принят небезынтересный для Кавказа закон. Так вот, согласно тексту «сочтено было за общее благо», что «посадка» каждого нового «шамхала», – на трон Шамхальства, который существовал (XVIII в.) в виде «особого камня», обладавшего «четыреугольной» формой [21, с. 131], чем походил, кстати, этот таркинский экспонат на древний трон королей Шот-

ландии, – «будет находиться во власти» Акушинского «кадия». В данной связи нужно отметить, что Р.М. Магомедов, причем еще в 1957 г., написал: «кадий» Акушинского «союза» обладал «правом короновать» каждого «вновь избранного шамхала» [15, с. 119].

Укажем здесь первым делом на то, что обозначенный важный факт, даваемый (1957 г.), судя по всему, с опорой на устные источники, имеет под собой опору в виде русских архивных материалов [22, с. 598; 16, с. 224]. Так, например, в собрании Памятников обычного права Дагестана приводится интересная фраза, которая звучит так: акушинцы, как и их соседи, «были в особенном уважении у шамхала» [7, с. 15]. Отсюда, в свою очередь, и «явился» соответствующий ситуации «адат» [16, с. 224], то есть обычай (дарг. *зегъа*), гласящий, что «при короновании шамхала, все кадии», стоявшие во главе пяти «даргинских обществ, приглашались на празднество», причем вместе с «почетными людьми» [7, с. 15].

В обрисованном собрании, проводившемся в Тарках (?), на «шамхальском дворе» [16, с. 224] делали так, что «кадий» Акуша «надевал папаху» на нового шамхала, совершая это «как» человек «почетнейший». За что, между прочим, «получал» он «коня с седлом» [7, с. 15]. Намек на существование данного выше «адата», касающегося «коронования шамхала» имеем мы в тексте немца А. Олсена, посетившего Дагестан в 30-е годы XVII в. [23, с. 453].

Нельзя, как представляется, не отметить того, что обозначенная выше «церемония» [21, с. 131] не являлась – в государственно-правовых условиях тарковского Шамхальства – чем-то уникальным. Дело в том, в описании «справедливых порядков и обычаев» (авар. *gladly-gladam*), которые собраны были по «поручению» имама Шамиля с уст десяти особо авторитетных черкесов, упоминалась церемония весьма похожая. Имеется в виду: на то, что знают кавказоведы в отношении акушинцев. Так вот, в давние времена, точнее до образования Имамата, – согласно «шамилевскому», от 1852/53 г., тексту, – «когда возводили» на трон нового «шамхала» (авар. *цванхал*), то «его нукеры приезжали» в авароязычный «Чиркей», откуда «приглашали», они, затем, на торжественное мероприятие авторитетных личностей. Собирали последних в Тарках (?), где те гостили целую «неделю», а после этого возвращались по своим домам, причем с «большими подарками» [11, с. 110, 111].

Анализируемый здесь текст, повествующий об отдельных моментах в истории государства и права средневекового Дагестана, интересен в аспекте вопроса датировки. Дело в том, что контекст Истории Дагестана, увидевший свет в 1961 г., позволяет думать, что у автора ее имелись тут свои соображения. Это – касательно времени «освобождения» обитателей «даргинских сел», стоявших на территории «Левашинского района». Речь идет,

причем, об их феодальной «зависимости» по отношению к горским князьям, которые сидели в пределах Сулакского речного бассейна.

В *Истории Дагестана* (1961 г.), названное выше «освобождения» датируется, как можно понять, XIII–XIV вв. [19, с. 116, 117]. Относясь с большим уважением к данному мнению, мы, однако, предлагаем здесь более позднюю дату. Нам кажется, что учитывать нужно, причем обязательно, один немаловажный момент. Это – то, что институт шамхальства был временно ликвидирован в Дагестане: то ли эмиром Тимур-гурганом, то ли его сыном, в 1-е десятилетия XV в. Имеется в виду, что тогда, когда приходила на Северо-восточный Кавказ армия чагатаев, во главе которых стоял Шахрух-каган (ум. в 1447 г.). Возрождение же указанного института, уверенно фиксируемого в Дагестане с конца XIII в. [24, с. 217; 25, с. 82-88, 373-376], произошло – как установил один из авторов данных строк, – между 1469 г. и 1474 г. [26, с. 17; 20, с. 314-316].

Получается, таким образом, что создание горской «республики» [16, с. 178, 179] с центром в даргинском «Акуша», то есть очередной важный момент в «истории» государства и права дагестанских этносов, датировать нужно, вроде бы, эпохой отсутствия в Дагестане шамхалов, когда власть их была ликвидированной: то ли Тимур-гурганом, то ли Шахрух-каганом. Нельзя здесь игнорировать, впрочем, и тот факт, что шамхалы не упоминаются в колофонах книг, переписанных рукой акушинца Идриса, которые датированы концом XV – началом XVI в. [16, с. 64]. Это при том, между прочим, что Идрис Акушинский, прекрасно знал о существовании в Дагестане термина «казикумухцы», которому придавать привыкли – ученые мужи XX–XXI вв., – сугубо этнический характер, делая это без учета хронологии.

Отметим здесь, впрочем, что названный термин принято – в кавказоведении – связывать с «Кумухом» (*Гъумуки*), который считает наука исконной столицей шамхалов [27, с. 31-35, 54-72]. Последнее обстоятельство виделось, между прочим, аксиомой для авторов таких арабграфических источников XVII–XVIII вв., как Дербент-наме, пространная редакция Истории Маза и Тарих Дагестан [28, с. 33, 102, 105, 116].

Обращение к старинным арабоязычным источникам, причем являющимся фактором особо большой достоверности, убеждает нас, что одним из сложных вопросов в жизни средневекового Дагестана является: корреляция между «казикумухцами», с одной стороны, и «шамхалами» – с другой. Тут есть, о чем размышлять, – в свете устоявшихся представлений, – когда выплывает неизвестная ранее информация, обладающая научной ценностью.

Вот, например, 13 числа месяца зу-л-када «девятисот двенадцатого» (1507) года переписал вышеупомянутый «Идрис», – человек являвшийся,

между прочим, «сыном Ахмада», – арабскую книгу Ийяулум ад-дин, когда находился он «в селении Акуша (*Ахъушагъ*)» считавшейся «одним из селений казикумухцев (*гъазигъумукъ*)»¹. Второй здесь момент: в особо достоверных редакциях Перечня повинностей, которые получали шамхал и крым-шамхал, не упоминается Акуша – в числе налогоплательщиков [18, с. 13]. В то же время, однако, в Перечне доходов Мухидина-хаджи, который «являлся кадием государства (*мамлака*)», состоявшего из земель таркинцев (*таргъу*) и казикумухцев, написано по-арабски, что получал он – шариатский судья, – с акушинцев «десять быков». Они же – те, причем, которые «взымали» с последних «ежегодно» [29, с. 27].

Отметить нужно, что сохранившийся список Перечня доходов, датируется – по всей видимости, если судить по употребленной тут лексике, – второй половиной XVII в. Данный текст «переписан», следует сказать, представителем одного именитого кумухского рода – по его собственным словам, – «из» одной «старинной тетради», что позволяет, соответственно, углубить названную датировку.

Что касается датировки рукописного объекта как источника, то её установить не просто, рассматривая названную «тетрадь» в увязке с личностью «кадия» по имени «Мухидин». Того судьи, – получателя «быков», – который являлся заметной фигурой в «государстве», где играли видную роль «казикумухцы». Дело в том, что текст, который увидел и скопировал, обозначенный выше кумухец, – тот, кого называли «Зивудин-кади» (XVII в.), – датирован был «годом семь (?)... шестьдесят». Данную фразу, дошедшую до нас в поврежденном виде, предлагали читать – личности 1-й половины XX в., – следующим образом: «семьсот шестидесятый (1359) год по хиджре», что означает датировку *Перечня доходов* дотимуровской эпохой. Вместе с тем, однако, расчеты по поколениям, опирающиеся на *колофон* рукописной книги *Хадаик ад-дакаик*, которая переписана была в 1583 г.², а также опора на *Родословную* Зивудина-кади вызывают у нас иные соображения. Названный выше подход к методике научного исследования заставляет датировать жизнь Мухидина – того, который указан в тексте *Перечня доходов* в статусе «кадия государства», объединившего земли таркинцев и казикумухцев, – примерно серединой XV в. [26, с. 178, 179; 30, с. 26-28]. Это, в свою очередь, будет та историческая эпоха, когда в Дагестане не функционировал институт шамхальства. Последний, правда, возродится между 1469 г. и 1474 г.

Нужно отметить еще один момент. Это в аспекте поднимаемого здесь вопроса, в первую оче-

редь, о датировке образования социально-политической системы, принадлежавшей к типу «республик», но как горского государства со своими правовыми порядками, находящегося «под властью кадия», базирующегося в «Акуша».

Дело в том, что в пределах 30-х–50-х гг. XV в. фиксируются в среде «казикумухцев», носители титула «эмир» [30; 20, с. 207-211]. Это обстоятельство имеет место при том, что шамхалов в Дагестане – на землях, находящихся в бассейне Казикумухского Койсу и ее правого притока, а также в Тарках, – не существовало, хотя в конце XIII – в начале XIV вв. шамхалы фиксируются эпиграфическим материалом с верховий р. Уллучай [24, с. 217; 25, с. 82-88].

В свете всего сказанного выше, напрашивается вывод. Суть в том, что арабский текст о «селениях даргинцев» и избиении «эмиров», происшедших из среды «казикумухцев», несет информацию о событиях, имевших место в первые десятилетия XVI в. Именно тогда произошла смена политического устройства у акушинцев и – вместо монархии, – образовалась республика во главе с кадиями. Последние – те, кто будут целенаправленно и методично работать над постепенной заменой традиционного права акушинцев, как и их соседей, то есть *адата* (дарг. *зегъа*), на мусульманское право.

Толкование арабского текста – с позиции исторического правоповедения – предлагается авторами данных строк следующее:

В пределах XIII – второй половины XIV в. имелись в горной части Среднего Дагестана объединения мусульман (*джамаа*–?), которые состояли из этнических дагестанцев, но также из тех, – вполне возможно, – кто происходил от переселенцев из стран Ближнего и Среднего Востока.

В указанном выше регионе Северо-Восточного Кавказа уже проживали тогда, правда, лишь местами, люди, которые относительно хорошо знали арабский язык. Они, как представляется, стремились к познанию отдельных, хотя бы, сторон культуры восточных мусульман. Так обстояли дела на Сюргинском и Ашты-Кункинском участке (РД), а также на Кумухском плато, где стояли – на отдельных горках – небольшие пункты, имевшие свои «племенные» наименования и свои писанные законы (*цугъа*–?), хотя в развитии эпиграфической культуры наблюдалось тут заметное отставание. Обитатели последних, возведенных на названном плато, сформировали к XV в., встав на путь синой-кизма, одно крупное «селение», преобразовавшееся через пару столетий в «город», где языком улицы служил один из даргинских диалектов наряду с лакским языком, вследствие чего преобладала в общественной жизни «города», еще в XVII в., кумыкская разновидность тюркского языка.

Познание арабского языка и, как результат, обретение доступа к содержанию книг по шариату

¹ См.: Рук. Фонд Института ИАЭ ДФИЦ РАН. Ф... № 3.

² См.: Рук. Фонд Института ИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. № 752.

должно было вкладывать в мозги горцев мысли о желательности введения юридического равенства среди коренных жителей той или иной общины Дагестана и, соответственно, к убеждению о неприемлемости существования наследственных привилегий, признаваемых местным правом. Оттуда, в свою очередь, могли возникать представления о республиканской форме организации общества. Рождаться могли в их душах также мысли о желательности решения тех или иных житейских вопросов, относимых к сферам права, – например, уголовного, семейного и т.п., – на основании шариата, а не по старинным местным обычаям (араб. *адат*).

Отметим здесь еще одно обстоятельство. Обзорение доступных источников заставляет думать о «дахадаевской» части Сюргинского участка как о зоне особо сильного и глубокого развития мусульманской культуры в пределах Среднего Дагестана в XIII–XIV вв.

Тимуридские письменные источники свидетельствуют о проживании в Дагестане 2-й половины XIV в. воинственных мусульман, известных как «казикумухцы», подчинявшихся шамхалам. Речь идет о приверженцах ислама живших в условиях монархии, которая представляла собой тогда политическое образование, находившееся в вассальной зависимости от Чингизидов. Размышляя здесь, в соответствии с древним арабоязычным материалом, приходишь к мысли, что составляли тогда сообщество «казикумухцев» жители «селения» Кумух, как и тяготевших к нему лакских поселений, с одной стороны, а также население бассейна р.Акушинки, где находились «селения даргинцев» – с другой стороны. Обрисованная ситуация сохранялась – в основных своих чертах – и в то время, между прочим, когда шамхальская власть, которая верховодила ранее в «казикумухском» сообществе, ликвидирована была чагатаями-среднеазиатами, но затем возродилась где-то между 1469 и 1474 гг., когда выпущен был в Ширване документ с именем шамхала по имени «Мухаммад».

В конце XV – начале XVI вв. шамхальская политическая власть в Среднем Дагестане существовала; известны шамхалы с такими именами: Чупан, Газисултан, Улахай и «Мил» (?). Получается, соответственно, что в дагестанских горах, на тех землях, где значительная часть населения говорила даргинских диалектах, возродилась монархическая форма организации общества, которая тогда охватила собой, между прочим, и земли тюркоязычных «таркинцев» (*таргъу*).

Вспомогательной материальной опорой для правителей указанной здесь монархии Среднего Дагестана, то есть для шамхалов, было Ширванское государство (АзР и большая часть северного Лезгистана), которое усилили ранее (в конце XIV – начале XV вв.) *чагатаи*.

Разгром ширванцев шиитом Исмаилом Сефеви не мог, думается, не повлечь определенных последствий. Речь идет о резком сокращении мате-

риальной поддержки Шамхальству, которую проводило, между прочим, десятилетиями, государство ширваншахов, то есть реальных сюзеренов шамхалов.

Еще большее воздействие на указанный восточнокавказский монархический институт оказала, как полагаем, аннексия суннитского Ширвана шиитским Ираном. В результате этого ушли в небытие все обязательства шамхальских сюзеренов, то есть ширваншахов, существовавшие – в послемонгольскую эпоху, – по отношению к Шамхальству, как своему вассалу. После 1535 г. произошло естественное – в таких условиях, – резкое ослабление власти шамхалов, то есть монархов с титулом *валий Дагестана*, проживавших летом в «городе», который стояли на пересечении главных летних путей Северо-восточного Кавказа, а зимой в Прикаспии, точнее, в Тарках.

На передний план – в жизни местного общества – выходят теперь аристократы-эмиры, претендовавшие на восточное происхождение, которые проживали, как в «Тарках», так и в горном Кумухе (*Гъумук*). Указанная часть сообщества «казикумухцев», а точнее, их «эмиры», потерявшие после 1535г. силовую поддержку со стороны деградировавшей монархии шамхалов, но сохранившие при этом аристократическую заносчивость – от них «умножились притеснения и несправедливости» в отношении свободных «даргинцев» – довели дело до «сражения» с жителями «Акуша». Последние, «объединившиеся» вокруг «своего кадия», ликвидировали где-то после 1535г. (?), оставшиеся еще – в Акуша и тяготевших к последнему населенных пунктах – элементы монархической формы правления. Речь здесь идет о «власти» именно вышеупомянутых «эмиров», входивших как бы по наследству, в сообщество «казикумухцев». В итоге, образовали «даргинцы» – на развалинах временно деградировавшего Шамхальства – суверенную социополитическую систему республиканского типа, во главе которой ставиливыборных «кадиев Акуша», ибо «сочтено было» это «за общее» для них всех «благо». Жизнь в Акуша-Дарго шла по нормам старинного местного права, представление о которых получить можно на основании письменных материалов XVIII – начала XIX вв. [18, с. 14, 15, 18].

В новых политических условиях Среднего Востока, при шахиншахе Тахмаспе Сефевиде, видим мы шамхалами потомков князя Уцуми, чье надгробие сохранилось в Кумухе. Данный аристократический род, привязывавший себя, таким образом, к Лакии, где долго хоронил он своих покойников, имел первым шамхалом Бугдая (убит в 1566/67 г.), являвшегося отцом Сурхай-шамхала (ум. 1571/72 г.), от которого родился Илдар-шамхал (ум. в 1635 г.). Последний, живший преимущественно в Тарках, посещал горы, в том числе «дахадаевскую» зону, точнее, Ашты-Кункинский участок.

По мере внутренней стабилизации Ирана, в начале XVII в., его усиления и упрочения – эко-

номического, административного и т.п. – пошло развитие Шамхальства – дагестанской монархии. Выразилось это в становлении относительно крупного государства в пределах Среднего Дагестана, состоявшего тогда из двух, как минимум, княжеств, – с центрами в горах, в Кумухе, и на равнине, в Тарках, – и горской «республики», которая имела центром своим Акуша.

Данное дагестанское государство, подпитываемое траншами от Иранской империи, – под влиянием калмыцкого агрессивного фактора, – в котором Тарки приобретал все большее и большее значение, превратилось – с течением времени, – в «Шамхальство Тарковского». Последнее – следует отметить, – повторяло, по внутренней структуре своей, известную медиевистам «Ливонскую конфедерацию», в составе которой существовала обширная территория, подвластная епископу.

В государственно-политической системе «Шамхальства Тарковского» играла важную роль горская «республика» со столицей в «даргинском» – по языку и идентичности обитателей – «селении», известном как «Акуша». Это была единица, числившаяся в статусе шамхальского «наибства Дарго». На это указывает и тот факт, что именно представители Акуша-Дарго легитимировали каждого нового монарха, получавшего титул *шамхал* (XVIII – начало XIX в.) при участии, однако,

аварцев Койсубулу и Чиркея, делая это руками своих «кадиев» Акушинских как хранителей шариата, которые «властью» своей производили «посадку» такового «шамхала» на трон.

Указанная процедура вступления во власть символизировала признание шамхала – со стороны дагестанцев – правителем относительно крупной восточнокавказской феодальной социально-политической системы конфедеративного типа. В таком именно статусе видится нам Акуша, по крайней мере XVIII – начала XIX в. Значимая роль Акуша-Дарго в процессе становления государства дагестанских народов была обусловлена «устойчивостью и преемственностью конкретных исторических, национальных, культурологических и иных факторов» [31, с. 9-11], в процессе эволюции общин, входящих в домонгольскую эпоху в государство «Шандан» [18, с. 14, 15, 18].

В целом Шамхальство следует рассматривать как комплексное, развивающееся во времени явление – государство, включающее в себя взаимосвязанные и взаимодействующие общественно-политические системы с центрами в Кумухе, Тарках и Акушах и сыгравшее важную роль в государственно-правовых процессах, происходящих в течение длительного периода жизнедеятельности дагестанских этносов.

Список источников

1. *Леонтович Ф.И.* Адагы кавказский горцев. Одесса, 1883. Вып. II. 396 с.
2. *Ковалевский М.* Современный обычай и древний закон, обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886. Т. 2. 402 с.
3. *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1888. Т. 1. 290 с. Т. 2. 304 с.
4. *Дирр А.* Об обычном праве кавказских горцев. Махачкала, 2008. 231 с.
5. *Магомедов Р.М.* Адагы дагестанских горцев как исторический источник. М., 1960. 15 с.
6. *Гарданов В.К.* Обычное право, как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа XVIII – начала XIX в. // Советская этнография. 1963. № 5. С. 12-25.
7. Памятники обычного права Дагестана XVII – XIX вв. / сост. и т.п. Х-М. Хашаева. М., 1965. 279 с.
8. *Комаров А.В.* Адагы и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис. 1868. Вып. 1. С. 1-88.
9. *Лобанов-Ростовский М.Б.* Кумыки, их нравы, обычаи и законы. Махачкалы, 2002. 78 с.
10. *Казиев Г., Ахмадзявдинов Т.* Чиркей. Махачкала, 1972. 174 с.
11. *Айтберов Т.М.* К истории аварцев Терско-Сулакского междуречья. Махачкала, 2015. 253 с.
12. *Айтберов Т.М., Хатизов Ш.* Исторические произведения, написанные изначально по-аварски. Махачкала, 2016. 298 с.
13. *Магомедов Р.М.* Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала, 1964. 80 с.
14. *Магомедов Р.М.* По аулам Дагестана. Махачкала, 1977. Вып. I. 143 с.
15. *Магомедов Р. М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957. 408 с.
16. *Алиев Б.Г., Муртазаев А.О.* Федерация даргинских союзов сельских общин Акуша-Дарго в XVII – первой половине XIX в. Махачкала, 2008. 399 с.
17. Рукописная и печатная книга в Дагестане. Махачкала, 1991. 220 с.
18. *Абдуллаев М.Н., Айтберов Т.М.* Правовая жизнь союзов сельских общин Горного Дагестана в XVIII – начале XIX вв. (на примере Акуша-Дарго) // Юридический вестник ДГУ. 2022. Т. 44. №4. С. 9-18.
19. *Магомедов Р.М.* История Дагестана. Махачкала, 1961. 292 с.
20. *Айтберов Т.М., Омарова Р.А.* Сейиды горного Дагестана (Кумух, Цумада, Курах). Книга I. Махачкала: Алеф, 2019. 316 с.
21. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. / под ред. М.О. Косвена, Х.-М. Хашаева. М., 1958. 371 с.
22. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1881. Т. VIII. 858 с.

23. *Олсарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. 458 с.
24. *Лавров Л.И.* Новое о Зирих-Геране и казикумухских шамхалах // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 215-218.
25. *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М., 1984. 463 с.
26. *Айтберов Т.М.* Мусульманская элита кумухского корня. Махачкала, 2008. 191 с.
27. *Маршаев Р., Бутаев Б.* История лакцев. Махачкала, 1991. 209 с.
28. *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. 298 с.
29. *Айтберов Т.М., Каяев И.А.* Документы XIV–XVIII вв. по истории Лакии (эпоха шамхалов и ханов Казикумуха) // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала, 2014. № 3 (39). С. 25-37.
30. *Айтберов Т.М.* Письмо сайида Мухаммада джамаатам Казикумуха, Калакорейша, Зерехгарана, и «особенно» сайиду Ахмаду ал-Йамани (XV в.) // Письменные памятники Востока. М., 1987. С. 4-8.
31. *Шабуров А.С.* Государство и государственность: вопросы соотношения // Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 9-11.

References

1. Leontovich F.I. *Adaty kavkazskii gortsev* [Adats of the Caucasian highlanders]. Odessa, 1883, Issue II. 396 p. (In Russ.).
2. Kovalevsky M. *Sovremennyi obychai i drevnii zakon, obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii* [Modern custom and ancient law, customary law of Ossetians in historical and comparative coverage]. Moscow, 1886, vol. 2, 402 p. (In Russ.).
3. Kovalevsky M.M. *Zakon i obychai na Kavkaze* [Law and custom in the Caucasus]. Moscow, 1888, vol. 1, 290 p. vol. 2, 304 p. (In Russ.).
4. Dirr A. *Ob obychnom prave kavkazskikh gortsev* [On the customary law of the Caucasian highlanders]. Makhachkala, 2008, 231 p. (In Russ.).
5. Magomedov R.M. *Adaty dagestanskikh gortsev kak istoricheskii istochnik* [Adats of the Dagestan highlanders as a historical source]. Moscow, 1960, 15 p. (In Russ.).
6. Gardanov V.K. *Obychnoe pravo, kak istochnik dlya izucheniya sotsial'nykh otnoshenii u narodov Severnogo Kavkaza XVIII – nachala XIX v.* [Customary law as a source for the study of social relations among the peoples of the North Caucasus in the 18th - early 19th centuries], *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1963, no. 5, pp. 16-25. (In Russ.).
7. *Pamyatniki obychnogo prava Dagestana XVII – XIX vv.* [Monuments of customary law of Dagestan XVII – XIX centuries], compiler by Kh-M. Khashaev. Moscow, 1965, 279 p. (In Russ.).
8. Komarov A.V. *Adaty i sudoproizvodstvo po nim* [Adats and legal proceedings on them], *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of information about the Caucasian highlanders]. Tiflis, 1868, Issue 1, pp. 1-88. (In Russ.).
9. Lobanov-Rostovsky M.B. *Kumyki, ikh nrayy, obychai i zakony* [Kumyks, their manners, customs and laws]. Makhachkala, 2002, 78 p. (In Russ.).
10. Kaziev G., Akhmadziyavdinov T. *Chirkei* [Chirkey]. Makhachkala, 1974, 174 p. (In Russ.).
11. Aitberov T.M. *K istorii avartsev Tersko-Sulakskogo mezhdurech'ya* [On the history of the Avars of the Tersko-Sulak interfluve]. Makhachkala, 2015, 253 p. (In Russ.).
12. Aitberov T.M., Khapizov Sh. *Istoricheskie proizvedeniya, napisannye iznachal'no po-avarski* [Historical works originally written in Avar]. Makhachkala, 2016, 298 p. (In Russ.).
13. Magomedov R.M. *Pamyatnik istorii i pis'mennosti dargintsev XVII veka* [Monument of history and literature of the Dargins of the 17th century]. Makhachkala, 1964, 80 p. (In Russ.).
14. See: Magomedov R.M. *Po aulam Dagestana* [Through the villages of Dagestan]. Makhachkala, 1977, Issue 1, 143 p. (In Russ.).
15. Magomedov R. M. *Obshchestvenno-ekonomicheskii i politicheskii stroi Dagestana v XVIII – nachale XIX vekov* [Socio-economic and political system of Dagestan in the XVIII - early XIX centuries]. Makhachkala, 1957, 408 p.
16. Aliyev B.G., Murtazaev A.O. *Federatsiya darginskikh soyuzov sel'skikh obshchin Akusha-Dargo v XVII – pervoi polovine XIX v.* [Federation of Dargin Unions of Rural Communities of Akusha-Dargo in the 17th - the first half of the 19th century]. Makhachkala, 2008, 399 p. (In Russ.).
17. *Rukopisnaya i pechatnaya kniga v Dagestane* [Manuscript and printed book in Dagestan]. Makhachkala, 1991, 220 p. (In Russ.).
18. Abdullaev M.N., Aitberov T.M. *Pravovaya zhizn' soyuzov sel'skikh obshchin Gornogo Dagestana v XVIII – nachale XIX vv. (na primere Akusha-Dargo)* [Legal life of unions of rural communities of Mountainous Dagestan in the 18th - early 19th centuries. (on the example of Akusha-Dargo)], *Yuridicheskii vestnik DGU* [Law Herald of DSU], 2022, vol. 44, no. 4, pp. 9-18. (In Russ.).

19. Magomedov R.M. Istoriya Dagestana [History of Dagestan]. Makhachkala, 1961, 292 p. (In Russ.).
20. Aitberov T.M., Omarova R.A. Seiidy gornogo Dagestana (Kumukh, Tsumada, Kurakh) [Seyids of mountainous Dagestan (Kumukh, Tsumada, Kurakh)], Makhachkala, Alef Publ., 2019, 316 p. (In Russ.).
21. Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana XVIII-XIX vv. [History, geography and ethnography of Dagestan XVIII-XIX centuries], ed. by M.O. Kosven, KH.-M. Khashaev. Moscow, 1958, 371 p. (In Russ.).
22. Akty, sobrannye Kavkazskoi arkhеографической komissiei [Acts collected of the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis, 1881, vol. VIII, 858 p. (In Russ.).
23. Olearius A. Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno [Description of the journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and back]. Saint Petersburg, 1906, 458 p. (In Russ.).
24. Lavrov L.I. Novoe o Zirikh-Gerane i kazikumukhskikh shamkhalakh [New about Zirikh-Geran and Kazikumukhshamkhals], *Iz istorii dorevolyutsionnogo Dagestana* [From the history of pre-revolutionary Dagestan]. Makhachkala, 1976, p. 215-218. (In Russ.).
25. Shikhsaidov A.R. Epigraficheskie pamyatniki Dagestana X–XVII vv. kak istoricheskii istochnik [Epigraphic monuments of Dagestan in the X-XVII centuries as a historical source]. Moscow, 1984, 463 p. (In Russ.).
26. Aitberov T.M. Musul'manskaya elita kumukhskogo kornya [Muslim elite of the Kumukh root], Makhachkala, 2008, 191 p. (In Russ.).
27. Marshaev R., Butaev B. Istoriya laktsev [History of the Laks]. Makhachkala, 1991, 209 p. (In Russ.).
28. Shikhsaidov A.R., Aitberov T.M., Orazaev G.M.-R. Dagestanskije istoricheskie sochineniya [Dagestan historical writings], Moscow, 1993, 298 p. (In Russ.).
29. Aitberov T.M., Kayaev I.A. Dokumenty XIV-XVIII vv. po istorii Lakii (epokha shamkhalov i khanov Kazikumukha) [Documents of the XIV-XVIII centuries. on the history of Lakia (the era of the Shamkhals and Khans of Kazikumukh)], *Vestnik Instituta IAE DNTs RAN* [Bulletin of the Institute of IAE DSC RAS]. Makhachkala, 2014, no. 3 (39), pp. 25-37. (In Russ.).
30. Aitberov T.M. Pis'mo saiida Mukhammada dzhamaatam Kazikumukha, Kalakoreisha, Zerekhga-rana, i «osobenno» saiidu Akhmadu al-Iamani (XV v.) [Letter from Sayyd Muhammad to the jamaats of Kazikumukh, Kalakoreish, Zerekhgaran, and “especially” to Sayyid Ahmad al-Yamani (XV century)], *Pis'mennye pamyatniki Vostoka* [Written monuments of the East], Moscow, 1987, pp. 4-8. (In Russ.).
31. Shaburov A.S. Gosudarstvo i gosudarstvennost': voprosy sootnosheniya [State and statehood: issues of correlation], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian legal journal], 2013, no. 1, pp. 9-11. (In Russ.).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллаев Магомедзапир Нурмагомедович, доцент кафедры истории государства и права Дагестанского государственного университета, канд. ист. наук, заместитель директора юридического института, заведующий НИЛ национальных и федеративных отношений им. проф. Р.М. Магомедова, г. Махачкала, Российская Федерация. *E-mail:* mnabdullaev@mail.ru

Айтберов Тимур Магомедович, доцент кафедры истории Дагестана Дагестанского государственного университета, с. н. с. отдела древней и средневековой истории Дагестана Дагестанского Федерального Исследовательского центра РАН, кандидат исторических наук, г. Махачкала, Российская Федерация. *E-mail:* timirlan222@mail.ru

Поступила в редакцию 01.06.2023 г.; одобрена после рецензирования 25.08.2023 г.; принята к публикации 02.09.2023 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abdullaev Magomedzapir Nurmagomedovich, Associate Professor of the Department of History of State and Law of Dagestan State University, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director of the Law Institute, Head of the Institute of National and Federal Relations named after Prof. R.M. Magomedov, Makhachkala, Russian Federation. *E-mail:* mnabdullaev@mail.ru

Aitberov Timur Magomedovich, Associate Professor of the Department of Dagestan History of Dagestan State University, Senior Researcher of the Department of Ancient and Medieval History of Dagestan of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Historical Sciences, Makhachkala, Russian Federation. *E-mail:* timirlan222@mail.ru

Received 01.06.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 02.09.2023